

Александр ДОРОШЕНКО Новый рынок

Здесь стояла Сретенская церковь, построенная в 1842-1848 годах, и на церковной площадке, как водится, возник рынок, названный Новым, а площадь стала — Новобазарной. В 1896 году по проекту А.Д. Тодорова по линии Торговой улицы были поставлены два громадных корпуса крытых рынков. Высоченные залы, металлические фермы и стеклянные потолки. Эти здания не соответствуют малой ширине Торговой и общей высоте окружающей застройке. Новый рынок, собственно, кипит за их спиной.

К рынку я иду по Коблевской или Садовой. Обе они в него упираются, и рынок виден издали далеко брожением народа. Лежит Новый между Торговой и Конной, и первая принадлежит Городу, а вторая целиком рынку, являясь его продолжением. Само название Конной означает наличие здесь в прошлом конного рынка. Это память о присутствии благородной лошади в нашей жизни. Поэтому Конных рынков и площадей в Городе было много, а в одежде мужчины весь девятнадцатый век ощущался всадник. Справа квартал Княжеской (Баранова), а с левой стороны узкая улочка, превращенная в автобусную станцию. Она обслуживает частников — поставщиков товара.

Колоннады сохранились и поныне во многих местах давно исчезнувших Греческого и Старого базаров, и существующего Нового, в обрамлении их площадей. Часто арки заложены, превращая колонны в пилястры, уродуя здания пристройками и надстройками, но вопреки времени и безвременью, остановившись где-нибудь на углу Нового рынка, чуть прикрыв глаза и отстранив окружающую суету и шум, можно увидеть, каким это было когда-то, услышать иные голоса молодого еще Города, ощутить запахи чумацких возов, идущих к рынку и к постоялым дворам, расположенным тут же, неподалеку, окрики биндюжников и во все времена легко узнаваемый, характерный и неповторимый одесский говор.

По всему внешнему периметру Нового натканы мелкие лавочки. Спереди, от Торговой, в них торгуют всякой мелочью, вперемежку с базарными забегаловками, справа всякие ремонтные мастерские, делают ключи и ремонтируют замки (на плакате рекламном рука посылает клиента за угол и написано: "Любой ключ за две минуты!"), а позади, от Конной, мел-цемент-песок-стройка, пыль-шум-погрузка-выгрузка, слева — автобусная стоянка, забитая старыми автобусами пригородных линий, и они все время маневрируют в поисках удобного места для погрузки, а пассажиры стайкой движутся за ними вслед, как гусыня за мамой гусыней, боясь потеряться.

Сейчас середина июньского дня, солнце в зените, а перед лавочками защитная зелень деревьев. И прохожие прижимаются к тени, перебегающая залитую солнцем дорогу, как линию огня. Сиеста, и продавцы погибают от безделья, сидят в креслах перед лавочками или присев на корточки курят, лениво переговариваются и наблюдают проходящих. Пахнет свежим хлебом и только что выпеченными лавашами от ларьков при пекарне через дорогу, сушеной и вяленой

рыбой к пиву, и вот оно рядом, в бутылках и на разлив, и пенится в кружках, а музыкальные ларьки грохочут музыкой, перекрывая друг друга.

Непрерывная струя людей вливается в Новый через его центральные ворота, растекаясь по его артериям и венам. Здесь тесно от бедер и плеч, от размахивающих рук и сумок, притом движутся еще и детские коляски, грузчики со своими широкими платформами и горой груза, и криком: "Паберегись!!!", с размахистым ударением на первом слоге. Это кроме собак под ногами. И все это течет двумя встречными потоками в узких коридорах между ларьками, а у ларьков стоят очереди, иногда в едином потоке возникает внезапно вихрь, это покупательница усмотрела что-то нужное на ларьке с другой стороны движенья и пробирается к нему поперек потока. Здесь происходит множество встреч — где, как не на Новом, можно встретить знакомых, и так удобно в этой тучей толпе остановиться и поговорить. И если встретились две знакомые дамы, средних лет и соответствующих фигур, то обтекающий их базарный поток не может удержаться от всяких по этому поводу мыслей, но дамы наши устойчивы, как психикой, так и весом. Откуда и формируются такие обольстительные дамские фигуры, полные волшебных переходов и соблазнительных овалов. И если тебя протянет между двух таких бюстов (так формируют протажкой в зубчатом зацеплении исходный бесформенный стержень), выйдя, ты станешь ко многому годен, кроме того, зачем так неосторожно пришел сегодня на Новый рынок.

Есть мелочи жизни, мы их не замечаем все, но, обидевшись и перестав нам служить, они нашу жизнь сразу делают невыносимой, например, порвавшаяся змейка на ширинке (при аресте забирают у человека шнурки от обуви и ремень от брюк, и сразу же изменяется ошелюманый человек — это как проколотый шарик, из которого выпущен воздух). На входе в Новый работает шнурково-змеичная дама, у нее прическа сделана из обувных шнурков разной длины и цвета, как реклама дела. А рядом фонтан, бьющий неиссякаемым потоком шнурков и змеек. Голова этой дамы — как у Медузы Горгоны, идешь беспечно рыночными рядами среди празднично-непраздной толпы и внезапно в разрыве людской реки видишь огненно-вьющуюся голову и пронзительные глаза, высматривающие добычу.

Утром в рядах Нового — дамы и девушки, солидные мужчины в спортивных костюмах, посланные женами на рынок, устроенные коты (у каждого свой контейнер или прилавок) и рыночные псы, все в душевном единении...

Рыночный пес, рыжий, как скандинавские викинги, распатланый, как Ноздрев поутру, парень — "душа на распаху", разлетелся к Денику брататься...

Бедность — картофельными рядами и зеленью, но недостаток ходит во фруктовых рядах — там вся красота мира — пирамиды яблок, гранатовые арсеналы, груши с кокетливыми хвостиками, как стайка девчонок с косичками, выбежавшая на перемене из класса на школьный

двор и дружно замершая, увидев страшного лохматого и добродушного пса, зашедшего к ним во двор, и они его, обступив, рассматривают, как редкую диковинку, а он виляет хвостом и ждет подачку, улыбаясь и широко раскрыв пасть от жары; арбузные ядра, как при обороне Севастополя на акварельных рисунках 1854 года. Все вымыто, выложено, проверено и готово к бою.

Крыжовник и всякая мелкая ягода лежат в лукошках с высокой плетеной ручкой. Красная Шапочка с таким лукошком бежала к бабушке с гостинцем. Невинная детская история, но волка погубили там зря!

Над фруктово-овощными рядами звучит равномерный приглушенный доброжелательный гул, как в храме, но ведь где-то здесь и располагался Сретенский храм, его алтарная часть была ближе к центральному входу от Торговой, и там памятным знаком стоит павильон свадебных платьев.

Молодая дама покупает апельсины, насыщенные теплотой солнца, упругие, сочные — это заметно, как и в глубоком вырезе декольте у дамы, и мы оба с продавцом — совершенно восточным человеком — смотрим сейчас в общем чувстве на этот вырез — какие там налились жизненным соком апельсины! Дрожат руки у восточного человека...

Повторяется история в Эдеме на нашем Новом рынке...

А в переходе — соленья — бочками капусты, рядами хрустящих на зубах соленых огурчиков... Идешь мимо, и вдруг возникает желание стопки ледяной гортань и согревающей желудок водки — и, остановившись в изумлении, откуда взялась такая неожиданная и славная мысль, видишь эту спокосу — плотные, холодноватые на взгляд, упругие, одинаковые размером, как патроны в обойме, маринованные огурчики...

Древнее мужское чувство — ощутить рукой приклад карабина, медленно поднять ствол и оценивающе глянуть в лицо врага... Оружие в руке, нога в стремени, табак в кисете, а крепкий напиток ближе к вечеру, когда справишься с врагами и неплохо будет отдохнуть!

Все перепуталось теперь на рынке. Спрашиваю парня:

— Где здесь теперь овощи?

Нет ответа, оказывается, я спросил у манекена. Он стоит на проходе, прислонившись плечом к стене магазина, и руки держит в карманах. Одет неплохо. Но говорить не хочет — просто в ответ пожимает плечами и насмешливо на меня смотрит.

Арбузные рынки

Когда-то, давным-давно, арбузы в Город пригоняли дубки из Херсона. Это были лучшие из арбузов — херсонские. На полотне Ефима Ладыженского видна наша арбузная гавань и белые кони на зеленом арбузном поле. Кони эти так похожи на лебедей! Декан имел все основания назвать именно лошадью (гуиингнма) благородным существом на фоне человека, и это вполне заметно на картине. На голову правой белой лошади хозяин надел соломенную от солнца шляпку, красиво решив вопрос с ушами. Хороший и веселый человек был ее хозяин.

А эти трое, в правом нижнем углу картины, две черные мастью лошади и старик в бороде и с красивым носом, это ведь совсем иное, чем напиток воды, — это сердечное единение и беседа, — и пока эта правая лошадь пьет, левая что-то говорит важному старику и он слушает ее, удивленный услышанным!

Смешная лошадка в кокетливой соломенной шляпке и моряки, играющие в волейбол арбузным мячом.

Теперь дубки не ходят, но, как и встарь, в августе по всему городу продают арбузы. Они возникают внезапно, из ничего и ниоткуда, их чудовищно много, они не помещаются на рынках и расплазуются по всему городу, по всем его углам и перекресткам, так удобно попутателю донести тяжеленный арбуз домой.

(Так бурно взошедшее тесто поднимает крышку кастрюли и сползает на пол, заполняя

кухню, подмывает двери и как волна потолка неумолимо расплзается по лестничной клетке, набухая на краю площадки тяжелой килограммовой каплей и, внезапно оторвавшись, эта капля летит в лестничное пространство, вибрируя и переливаясь формой, как тетя Дуня, вышедшая поутру на Новый рынок за зеленью, и тяжело и упруго падает на лысину дяди Пети, тети Дуниного мужа, только что вошедшего в прохладную сень парадной с уличного нестерпимого зноя и успевшего отереть свою вспотевшую лысину платком, и лысину эту накрывает с размаху блин теста, сразу поджариваясь на ней и отвердевая в хрустящий корочку лаваша... а тетя Дуня, уже повернувшись было за угол Нежинской, вдруг вспоминает о позабытой кастрюле и бегом торопится к себе домой — но поздно, уже совсем вышло из берегов и убежало ее тесто и его не собрать, разве что с лысины дяди Пети, а кто виноват — именно дядя Петя — просила же его тетя Дуня сходить с утра на базар — так нет!)

Образуются пирамиды из арбузных шаров. Периметр такой пирамиды ограничен досками, лежащими на ребре, и дальше арбузы идут в вышину свободной укладкой. Как ядра при обороне Севастополя. Рядом, на стуле, все это время живет продавец. Арбузы не увозят ночью, и продавец дремлет рядом, превращаясь в охранника. Но можно поэтому в любой ночной час, проходя мимо или выйдя специально из дому, купить арбуз. Потеряв сигарету — у продавца ночью, непосредственно перед вашим приходом, непременно заканчиваются сигареты. (Я не курю уже шесть лет. До сих пор держу в зубах обкуренный моими друзьями мундштук. Я утратил часть радости из оставшейся немногой, но главное, что потерял, — возможность поздней ночью, встретив человека, просящего сигарету, его этой сигаретой угостить. Чиркнет спичка, ее огонек, защищенный от ветра нашими ладонями, осветит на мгновение наши лица, и слово благодарности случайного в твоей жизни человека за дарованную радость сделает человечество лучше, чем оно есть, и ближе к тому, как надо.) Рядом меньших размеров сделана пирамида из дынь. Такой ночной продавец обрастает товариществом — стоит группа из трех проданных кресел, уютно горит торшер, на ночном столике из накрытого тряпкой ящика натюрморт из закусок — на углу улицы, оазисом в пустынной темноте ночного Города, жилой интерьер.

Человек в кресле под горящим торшером, в руках книга и на носу очки. Рядом пристроилась, обретя дом, бездомная кошка и, свернувшись клубочком, мурлыкает песенку уюта и дома. Поворачивая за угол, человека обезжесточивает ночной трамвай четвертого маршрута (и можно прочесть название книги — это Бенедикт Спиноза).

Гора арбузов, как вереница воздушных шариков. Их вес обманчив и они сейчас улетят в небо.

У арбуза лакированные косточки.

— Не хочешь — не говори, — замечаю я ему и ищу кого-нибудь более сговорчивого.

Пожилая покупательница разбирается со сдачей и в промежутках объясняет мне, что ее кот Азиз (такой умница и красавец) ну совершенно не ест никакой этой колбасы, но любит парную осетрину. Будешь тут красавцем!

Гордость рынка — кошка именем Базарина (имя на итальянский манер с ударением на "и") — черно-белая, неправдоподобно громадная, гордо восседает на личной подстилке перед мясным корпусом, и все с ней персонально здороваются.

На днях я покупал елку на Новом рынке. Мне объяснили, что надо ее покупать за рынком, на Конной улице, а не перед ним, на Торговой, что там, за рынком, цены значительно ниже, чем со стороны центра. Это именно так и оказалось, причем разница эта колебалась чуть ли не в двое, расстояние же между этими местами продажи вряд ли превышает сто метров. Приценившись к елкам, продававшимся со стороны центра, и перейдя затем за рынок, я купил на эти деньги ошеломляющих размеров ель, целое дерево, и купив, понял, что не донесу до дома, тем более, что со мной был пес на поводке. Но где-то здесь непременно должен был процветать извоз, и глянув вокруг, я увидел группу мирно беседующих мужиков с лицами, уж не знаю по какой причине, но сразу определяемыми как водительские. Я не ошибся, их машины стояли рядом, в основном старые легковушки с характерными багажниками на крышах, но, главное, лица уж очень были характерны. Такими эти лица у Нового рынка были и в начале столетия, с той разницей, что неподалеку стояли вместо машин кони, мирно жуя сено (у деда моего, Гордея, было таким лицо, и биндюжники звали его Григорием). И нас, меня с псом и елкой на крыше, заботливо и уютно погрузив в свой транспорт, довез уже слегка выпивший (был конец дня) и разговорчивый специалист извоза, и пока ехали мы эти несколько кварталов к углу Спиридоновской и Дегтярной улиц, мы успели побеседовать и сверить карты относительно семейных (что, мол, донимают жены) и государственных дел (что, мол, ворюги, и кто же мог этого ожидать в такой ошеломляющей степени), и доехав, мы обменялись поздравлениями к праздникам и пожеланиями, а насчет елки и ее цены он сказал, что мне сильно повезло, и что ель что надо, и что я правильно сделал, купив ель, а не сосну.

"На кой мне черт, скажите, ваши Аргентины..."

Есть настоящее мужское умение — варить яйца всмятку и уметь выбирать арбуз. Мой отец был родом из Херсона, из Олешек, и считал делом чести выбор арбуза. Он его долго высматривал, именно пятчак должен быть особый у зрелого арбуза, формой и цветом, потом щелкал по носу, обхватывая двумя руками и сжимал, приложив ухо к полосу арбузному телу. И гордо нес домой — ликовать. А мама делала так: подходила к этой пирамиде и сразу тыкала пальцем в самый первый с краю — и никогда моя мама не ошибалась!

Есть некая загадка в арбузах: их нет и нет, но вот внезапно и удивленно видишь на углу гору арбузов, но загадка не в этом — сразу же видишь, что они уже лежат и на всех остальных городских углах.

Арбуз сделан из ледяной воды и жаркого солнца (можно проверить — разрежь его на узкие скибки и выставь на яростное солнце — он мгновенно станет ледяным). У нас его еще называют кавун. Продают на пробу, вырезая пирамидку с красной мякотью — под укус, и затем старательно закрывают вырез. Арбуз зреет — хвостик вянет. Так, впрочем, говорят и о животе полноценного мужчины.

Большой и холодный арбуз следует есть не торопясь, раздвигаясь донага, жмуря глаза (как мартовский ошалелый кот развратной походкой устремленный на крышу, где уже слышится хоровое свадное мужское пенье, и он прищепывает по дороге сквозь зубы, что вот зазевался и опоздал...), чтобы не думать об опасности залиться соком, большими ломтями, оставляющими следы на обеих щеках у рта. Плюясь семечками. Наестся хорошим арбузом нельзя — можно только заполнить себя им до предела. На время.